

© 1996 г., ЭО, № 5

И. С. С а в и н

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ (1993 — 1995 гг.)

Исследование роли этнического фактора в сфере социально-экономических отношений (т. е. влияния национальной принадлежности людей на мотивы их деятельности) предполагает, на наш взгляд, поиски ответов на три основных вопроса. Во-первых, есть ли различия в национальном составе работников, занятых в различных отраслях хозяйства республики, и, если да, то что является тому причиной? Во-вторых, в чем заключаются основные черты экономической политики нынешнего руководства Казахстана и какова современная социально-экономическая ситуация в республике в результате осуществления этой политики? Сюда же примыкает вопрос о том, зависит ли сегодня материальное положение и социальное самочувствие различных групп населения от их национальности и чем объясняется эта зависимость, если она существует? И, наконец, в-третьих, различается ли восприятие представителями разных национальностей своих собственных экономических возможностей и, если да, то почему?

Характерные для экономики Казахстана сложившиеся пропорции различных национальных групп, представленных в разных сферах хозяйственной деятельности, во многом обусловлены особенностями развития республики в советский период. После установления советской власти и создания Союза ССР на повестку дня союзного руководства стала задача достичь, наряду с политической централизацией, экономической интеграции отдельных регионов единого государства, столь разных по уровню своего социально-экономического развития.

В то же время, чтобы ослабить тенденции движений, направленных на обретение политической самостоятельности, которые окрепли у нерусских народов в период Октябрьской революции и гражданской войны, советская власть осуществляла «национальную политику», которая по сути представляла собой заигрывание с местными элитами путем упрочения атрибутов «национального» (этнического) государства. При этом активные меры по приобщению местного населения к индустриальным формам труда и соответствующим способам организации социальной среды почти не предпринимались. Политика «коренизации» унавивляла различные системы «квот» представленности «коренного населения» в органах власти разного уровня. О деятельности «Комиссий по коренизации» в 1920—1930-е годы можно судить по хранящимся в Чимкентском городском архиве любопытным документам: «... Комиссия по коренизации при Чимкентском горсовете направляет в Ваше распоряжение имярек (национальные кадры — И. С.) для использования его в качестве...» и т. д. ¹.

Местному населению непросто было приспособиться к регулярному монотонному ритму современного промышленного производства, столь отличного от привычного ему уклада жизни. В 1927 г. казахи составляли лишь 30% среди работников народного хозяйства республики, доля их в числе работников промышленной сферы была и того меньше — 12,8% ². Недостаток квалифицированных кадров восполнялся путем «оргнаборов» среди населения более индустриально развитых регионов страны и привлечения их в районы Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, с самого начала существования Казахского советского государства принципы, положенные в основу формирования его экономической структуры, способствовали своеобразному «разделению труда» в зависимости от национальной принадлежности. Сложилась весьма несхожие у «коренных» и «некоренных» комплексы социально-психологических мотиваций профессиональной активности, а также представлений об уровне собственных притязаний и допустимых политических претензиях. Привилегии, направленные на привлечение казахов в органы управления, учреждения науки, культуры и образования, т. е. в сферы деятельности, «ответственные» за сохранение «национального лица» республики и атрибутов ее культурной самобытности, способствовали возникновению в среде национальных элит завышенных социальных ожиданий и политических амбиций. Эти амбиции «уравновешивались» существованием центрального руководства, располагающего достаточными репрессивными средствами для обуздания любых устремлений на местах, расходящихся со сценарием «национального» развития окраин, разработанным в Кремле. Репрессии среди национальной интеллигенции в республиках, развернувшиеся под лозунгом «борьбы с националистическим уклоном» на протяжении 1920—1930-х годов, доказывают действенность подобных средств.

С другой стороны, отсутствие кропотливой работы среди основной массы населения, направленной на включение казахов в современные социально-экономические отношения, заменялось компанией насильственного «оседания» кочевников. Эти меры привели к голоду в казахской степи в начале 1930-х годов, но не способствовали вовлечению казахов в создание экономической основы «своего» национального государства. Привлечение же рабочей силы со стороны проходило под лозунгом социалистического строительства, поэтому в сознании немецких работников атрибуты «национального государства» играли подчиненную оформительскую роль по сравнению с генеральной задачей укрепления экономического могущества единой советской страны. Тем более, что место русских в экономической структуре Казахстана на протяжении последних десятилетий определялось их значением в индустриальном производстве, а также интенсивной включенностью в процессы модернизации и урбанизации.

На фоне традиционных способов кочевого хозяйства местного населения, «отсталых» с точки зрения господствовавшей в СССР теории социально-экономического прогресса и императивов экономической политики, авангардная роль привлеченного по «оргнабору» из европейской части страны индустриального рабочего класса, передовой технической и гуманитарной интеллигенции выглядела особенно рельефно.

Стержневое значение этих групп населения в промышленном производстве, в развитии новых модернизированных форм социально-культурной сферы обеспечивало им вполне благополучное положение в системе распределения материальных и духовных благ. Имеется в виду стабильная заработная плата, отлаженная система социального обеспечения, благоустроенная (особенно с точки зрения сельских условий) квартира, возможности в получении образования и т. д.

Сравнение всех этих условий с обстоятельствами жизни преимущественно сельского казахского населения было явно не в пользу последних. На этой основе возникали, с одной стороны, «культуртрегерские» настроения у более социально продвинутого русского населения. С другой стороны, казахи склонны были осмыслять ощущаемую дистанцию как следствие этнокультурных различий и результат «прорусской» политики «центра».

Сегодня вряд ли возможен однозначный ответ на вопрос, насколько подобная практика соответствовала задачам советского строительства и уровню социально-экономического развития разных народов. Но, в любом случае, нужно учитывать, что вышеописанная система непропорционального распределения трудовых ресурсов в разных отраслях могла эффективно функционировать лишь при наличии системы политических и символично-идеологических «противовесов», которые сдерживали бы развитие неблагоприятных тенденций. При изменении

политических и идеологических условий, породивших эту систему, этническая принадлежность, ставшая существенным мотивом социальной (в том числе и экономической) активности, лишившись сдерживающего начала в виде единого государства и общесоюзной идеологии пролетарского интернационализма, может способствовать взаимному отчуждению представителей различных национальных групп.

Ситуация не изменялась на протяжении нескольких десятилетий. Она лишь усугубилась за счет размещения в Казахстане предприятий, эвакуированных в годы войны из европейской части страны, а также в ходе «целинной эпопеи» и «великих строек социализма». Главными участниками экономических преобразований оставались представители «некоренной национальности», привлекаемые из-за пределов республики. «Казахи не пошли на крупные предприятия и наш язык не стал языком промышленности. От десятилетиячного набора на Темиртаусский металлургический завод через год осталось несколько казахских рабочих, среди них Нурсултан и Сара Назарбаевы...»³.

В 1952 г. среди направленных на предприятия г. Чимкента молодых специалистов с высшим образованием казахов было всего 20%⁴. В 1959 г. казахов в составе специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве Казахстана, было 23,9% (среди инженеров — 10,7%, агрономов и зоотехников — 23,4%, педагогов и культурно-просветительных работников — 34,8%), а в составе специалистов со средним образованием и того меньше: 16,1% (среди техников — 6,6%, агрономов и зоотехников — 31,5%, педагогов и культурно-просветительных работников — 29,8%)⁵. Сложившиеся в период 1930—1950-х годов пропорции национального состава занятых в различных отраслях народного хозяйства в основном сохранялись до последнего времени, несмотря на существенное увеличение доли казахов в общей численности населения.

Об этом можно судить по данным *таблицы 1*, составленной по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомстатом Казахстана: в 1989 г. сохранялись значительные расхождения в уровне распределения занятого населения разных национальностей по отраслям народного хозяйства⁶.

Необходимо только учитывать влияние на эти пропорции постоянной миграции из республики и физического старения трудоспособного населения. Так, по данным социологов, в республике растет число лиц старше трудоспособного возраста, абсолютная численность этой категории населения за 1992—1993 гг. увеличилась на 200 тыс. чел. или на 10%, рост этой категории населения — 39%. Численность трудоспособного населения за последние 5 лет (1989—1993 гг.) увеличилась лишь на 197 тыс. чел. (при ежегодном увеличении на 39,4 тыс.), против 447 (95,4 тыс.) в 1984—1988 гг. На каждого прибывшего в трудоспособном возрасте приходится 2,8 чел. выбывшего в том же возрасте⁷.

В 1994 г., по оценочным данным М. Татимова, можно говорить о том, что доля русских, занятых во всех отраслях хозяйства несколько сократилась и составляет 40% (казахов — 35%); в промышленности — 60% (казахов — 22%); в сельском хозяйстве — 15% (казахов — 57%); науке и образовании — 36% (казахов — 42%); культуре — 37% (казахов — 38%)⁸. В профессиональной структуре населения Южно-Казахстанской (ранее Чимкентской) области есть определенные отличия по сравнению с другими регионами республики. Во-первых, нельзя не отметить более резкого контраста между числом казахов и русских, занятых в некоторых отраслях народного хозяйства. В промышленности, сфере информационного обслуживания, строительстве, науке более ярко выражено преобладание русских работников, а в сельском хозяйстве и народном образовании — казахов. В то же время в Чимкентской области близки позиции русских и казахов в сфере управления.

С другой стороны, за последние годы увеличилось количество рабочих из числа казахов, прибывающих в город из трудоизбыточных сельских районов. Численность рабочих-казахов, занятых в капитальном строительстве в Южно-Казахстанской области в 1993 г., составила 14421 при общем количестве этой

категории трудящихся 34815 чел.; в промышленности 48245 (всего: 101346), в том числе непосредственно рабочих 33049 (всего: 69897)⁹. Пока на ряде производств в подборе кадров сохраняются тенденции, сложившиеся в предшествующий период. Например, в общей численности работающих на швейной фабрике «Восход» в 1993 г. русские составили 31%, казахи — 27%. Но среди квалифицированных специалистов русских — 61,3% (казахов — 13%), руководителей: русских — 51,7% (казахов — 13,4%)¹⁰.

Такое положение характерно для предприятий города, особенно машиностроительного профиля. Еще больше (до 70% всех работающих) доля русских среди сотрудников проектных институтов.

Казахи преобладают среди сотрудников и руководителей предприятий пищевой и обрабатывающей промышленности, заготовительных и снабженческих организаций: до 67% заготовителей облпотребсоюза в 1989 г. составляли казахи¹¹. К 1995 г. казахи доминируют среди рабочих и руководителей объединения хлебопродуктов («Шымкент нан»), объединения по выпуску молочной продукции («Шымкент сут»), масложиркомбината («Шымкент май»), управления нефтепродуктов, мелькомбината, свинцового завода¹².

Благодаря постоянному притоку в город сельского населения быстро изменяется структура трудовых ресурсов. В декабре 1994 г. на вопрос о составе своего трудового коллектива 50,9% казахов ответили: «люди моей национальности составляют большинство» (русские — 20,9%), 38,9% казахов считают, что «люди моей национальности составляют примерно половину» (русские — 42,9%), и лишь 10,2% казахов заявили: «люди моей национальности — в меньшинстве»¹³.

Начиная с 1992 г. в Казахстане был провозглашен курс реформ в экономической сфере и глубоких преобразований социальной структуры населения. Предполагалось разгосударствление промышленности, уменьшение доли государственной формы собственности до 30—40%.

Так как «стержень экономики республики образуют отрасли, базирующиеся на богатствах недр, которые составляют исключительную собственность республики»¹⁴, государство, сохраняя монополию на этот род экономической деятельности, ввело жесткое лицензирование на экспорт сырья и продуктов первичной переработки (цветные и черные металлы, нефтепродукты, зерно и т. д.). В то же время из-за обрыва хозяйственных связей происходит свертывание промышленного производства на предприятиях, ранее ориентированных на другие регионы СССР. В нынешнем Казахстане их продукция не находит сбыта в прежнем объеме. Затруднены также поставки комплектующих и других необходимых для обеспечения устойчивой работы всего технологического цикла средств.

Эти особенности определили путь развития «порепорформенной» экономики Казахстана: бесконтрольный (вернее, контролируемый узкой группой чиновничества в своих интересах) вывоз сырья при почти полной неспособности хоть как-то поддерживать производящие отрасли внутри республики.

Через 3 года можно уже подводить некоторые итоги реформ в социально-экономической сфере. По данным Госкомстата республики по сравнению с предыдущим годом в сопоставимых ценах снижение объемов валового внутреннего продукта составило в 1994 г. 25,4%. Этот же показатель в промышленном производстве упал на 28%, в сельском хозяйстве — на 21,2%. Произведенный в 1994 г. национальный доход составил 8,9 млрд. тенге или 72,3% к уровню прошлого года. Промышленной продукции было произведено на уровне 71,5% к показателям 1993 г.; наибольший урон понесла легкая промышленность, здесь спад достиг 56%, индустрия стройматериалов — 55%, машиностроение — 43%.

Главное негативное влияние на итоги работы промышленности оказали останки промышленных предприятий из-за отсутствия материальных ресурсов, недостатка собственных оборотных средств, неплатежеспособности потребителей, отсутствия рынков сбыта, дефицита электроэнергии.

Проводимая правительством политика не соответствовала масштабности проблем, которые следовало решить в социально-экономической сфере. К сожа-

лению, руководство республики не смогло или не захотело преодолеть тенденций управления, сложившихся в предшествующий «союзный» период, когда экономические условия игнорировались в угоду политической конъюнктуре. Так, после провозглашения независимости главное внимание правительства было направлено на развитие сырьевых отраслей, что должно было продемонстрировать способность республики решать экономические задачи «в обход» прежних производственных связей, которые представляли теперь символом бывшей зависимости от общесоюзной экономической системы. Структура промышленного производства стала меняться в сторону роста доли добывающих отраслей в ущерб наукоемкому производству. В целом вяло, неглубоко и непоследовательно протекало реформирование экономики. Доля негосударственных предприятий, фирм, иных хозяйствующих субъектов в общем объеме производства не превышает 15—20% (официальная цифра — 38%). В большинстве отраслей сохранились предприятия монополисты, не заинтересованные в развитии производства.

В 1994 г. Казахстан имел отрицательное сальдо внешнеторгового баланса — 412,5 млн. долларов. Сырьевая направленность экспорта стала ведущей тенденцией. На сырье и материалы приходится свыше 90% стоимости экспорта. В этом году в республику поступило около 1 млрд. долларов внешних займов, включая ресурсы Международного валютного фонда (МВФ). Общая сумма прямого внешнего долга достигла 2,7 млрд. долларов, что составляет примерно 25% валового продукта.

Ухудшилось материальное положение подавляющей части населения страны. Рост денежных доходов (910%) отставал от повышения потребительских цен (1258%), что вызвало снижение реальных доходов на одну четверть. Особенно чувствительно сказался отпуск цен на хлеб и энергоносители, резкий скачок квартплаты, тарифов за услуги (в среднем в 10—15 раз). На 1 января 1995 г. ежемесячный денежный доход на душу населения составил 1165 тенге (19,4 доллара США). Оставались невыплаченными населению примерно 113 млрд. тенге пенсий и зарплаты. Резко сократилось финансирование из бюджета различных социальных программ.

В республике остановлена работа 900 предприятий. Скрытая безработица оценивается в 0,5 млн. чел. Рост инфляции составил 670% (по другим данным 1500%) за первое полугодие 1994 г.¹⁵

Говоря о социально-экономической ситуации в Южно-Казахстанской области, можно отметить те же тенденции, которые характерны для развития экономики Казахстана в целом. Спад производства по всем отраслям промышленности составил 25,6% за 1993 г. к уровню прошлого года¹⁶. К весне 1994 г. полностью или частично простаивали все крупные предприятия, объем промышленного производства уменьшился на 41,6%. Объем производства товаров народного потребления за 4 месяца текущего года уменьшился на 26,8%.

Растет безработица во всех ее формах: только в городском центре занятости зарегистрировано 27 тыс. чел. не имеющих работы; 104 тыс. чел. нуждаются в адресной социальной помощи. Темпы ввода нового жилья снизились на 70%.

Не лучшее положение дел и в сельском хозяйстве: не хватает кормов и энергии, происходят постоянные задержки с выплатой заработной платы. В конце 1993 г. на активе областной администрации было отмечено, что вспахано лишь около трети необходимых площадей под озимые, значительная часть урожая осталась под снегом. Продолжается сокращение поголовья скота. В сравнении с прошлым годом численность крупного рогатого скота сократилась на 16% (а это 29 тыс. голов), овец и коз — на 35,5%, лошадей — на 29%, верблюдов — на 9%¹⁷. Судя по публикациям республиканской прессы, в 1995 г. положение существенным образом не изменилось.

«Реформаторы» нашли пути „законного“ присвоения народного богатства, природных ресурсов, а также каналы отправки их за рубеж. Капитал при этом оседает там в банках. В 1993 году скрытый отток капитала достиг почти 850 млн. долларов (по другим данным 5—6 млрд. долларов.— И. С.¹⁸), тогда как валютные

резервы национального банка составляют 500 млн. долларов. За 7 месяцев 1994 года 97% „продукции“ совместных предприятий составили сырье и материалы»¹⁹.

Механизм подобной деятельности довольно прост (естественно, при наличии «своих» чиновников). Возможны два варианта. Первый вариант: сознательное занижение стоимости экспортных продуктов по сравнению с мировыми ценами, и тогда «разница» кладется в карман. Например, по данным Госкомстата республики за 1993 г. разница между контрактными и мировыми ценами выглядит следующим образом: за 1 тонну цинка — 880 долларов по контрактным ценам и 1193 по мировым; алюминия — 910 и 1205; нефти — 89 и 134²⁰. Второй вариант: выдача за вознаграждение разрешения на вывоз «стратегического» сырья. В Казахстане распространилось уже устойчивое выражение для обозначения такой «деловой активности» — «экономика племянников». Это означает, что кто-то из старших родственников занимается какой-либо важной пост, позволяющий влиять на лицензирование экспорта сырья или распределение получаемых республикой валютных кредитов, а «молодые» родственники используют полученные таким образом возможности для вывоза сырья или «крутят» в своих интересах выделенные на льготных условиях государственные средства.

В качестве примера можно упомянуть, что в состав учредителей одного процветающего банка вошли сын еще «доперестроечного» премьер-министра Казахстана и племянник крупного чиновника, ведавшего распределением средств, поступающих в «Фонд спасения Арала». На протяжении 1995 г. газета «Караван» тщетно пыталась выяснить, куда же деваются получаемые республикой иностранные кредиты. Дело дошло до вызова в суд в качестве ответчика по этому делу премьер-министра А. Кожажельдина, но выяснить так ничего и не удалось.

Еще летом 1993 г. президент Н. Назарбаев отмечал: «Совершенно отсутствует координация внешнеэкономической деятельности. Утвердилась практика, при которой каждый руководитель, по каким-либо причинам оказавшийся на связи с иностранным бизнесом, ищет партнера, выгодного лишь для себя». Но «серьезной работы по созданию прочной основы национальной экономики, ее технологической модернизации нет. Завозим пока предметы роскоши, спиртное и сигареты»²¹. К сожалению, и в конце 1995 г. сообщения республиканских средств массовой информации на экономическую тему не позволяют считать, что положение сколько-нибудь значительно изменилось.

Трудное положение промышленных предприятий, на которых значительную часть, а во многих случаях и большинство работающих составляют русские, не может не сказываться на условиях их жизни и умонастроениях. В условиях, когда большая часть казахского населения сохраняет связи с натуральным сельским хозяйством и занята на предприятиях по переработке и заготовке сельхозпродукции, можно было бы ожидать, что казахи будут иметь более высокий по сравнению с русскими уровень благосостояния. Отличия действительно имеются, но не столь разительные, так как кризис коснулся и аграрной индустрии. Основная масса казахского населения также ощущает на себе последствия осуществляемых вышеописанным образом экономических преобразований (табл. 2, 3 и 5.6): большинство жителей республики отмечают, что их положение за последние годы не улучшилось или даже ухудшилось. Почти половина респондентов-казахов недовольна положением своей национальности в республике, и большая часть из них в качестве причины недовольства называет именно экономическую нестабильность. Но достаточно сравнить ответы русских и казахов, чтобы сделать вывод: восприятие экономических проблем зависит отнюдь не только от обстоятельств реальной жизни. Так, бросается в глаза, что русские во всех городах оценивают уровень своего благосостояния гораздо критичнее казахов, а из ответов казахов явствует, что жители более крупных городов в целом более удовлетворены уровнем своего благосостояния. Это вполне объяснимо: в условиях спада производства, в том числе и сельскохозяйственного, в городах легче найти дополнительные источники существования. Но вряд ли можно отыскать эко-

номические объяснения тому факту, что русское население, гораздо более адаптированное к условиям городской индустриальной среды, на самом деле оказывается менее приспособленным к современной экономической ситуации.

На наш взгляд, на ответы русских влияет уже широко распространенное представление о «национальном» характере государства, что предполагает выискивание «этнической подоплеки» в оценке любых его мероприятий, в том числе и экономических. Так в ходе многочисленных бесед автора с русскими работниками промышленных предприятий г. Чимкента выяснилось, что, по их мнению, они оставаясь основными производителями материальных ресурсов республики, не получают соответствующей доли доходов от реализации производимой ими продукции. И происходит это вследствие перераспределения созданных трудом всего многонационального народа Казахстана материальных благ в пользу «коренного» населения. О распространенности такой точки зрения можно судить и по выступлению члена совета Русского центра Казахстана Е. В. Калининной на заседании клуба «Славянские беседы» в июле 1994 г.: «Почему русский должен доказывать свой „казахстанский“ патриотизм на десятых ролях, на самой черновой и тяжелой работе — охраняя границу, добывая и выплавляя руду, выращивая хлеб, когда казаху-племяннику от рождения уготована слава „патриота“, хотя он распродает и превращает в личные доллары то, что производит и охраняет русский?»²².

Свертывание производства и сокращение финансирования бюджетных организаций лишает квалифицированных русских рабочих и научных работников удовлетворительных условий существования и дальнейшего профессионального роста. Изверившись в возможности найти достойное применение своим способностям и обрести основу (в том числе и материальную) для дальнейшей жизни в Казахстане, они уезжают в основном в Россию. В русскоязычной казахстанской прессе часто встречаются письма подобные тому, которое напечатано в октябрьском номере газеты «Лад» под характерным названием «Почему я уезжаю из Казахстана?»: «...Под предлогом отсутствия средств нас сократили. Специалисты с двойным высшим образованием оказались не нужны молодому государству... В течение двух лет мы прошли через безработицу... А тем временем в наш институт было принято несколько молодых специалистов-казахов, и деньги на это нашлись. Дальнейшее ожидание грозит нам дисквалификацией. Чтобы избежать этого, мы вынуждены уехать в Россию. Оставляем Казахстан с чувством глубокого сожаления...»²³.

Сокращается и приток новых неквалифицированных кадров (прежде всего из сельской местности) в промышленность взамен выбывающего русского населения. Вместо непрестижной ныне и неприбыльной работы на производстве казахская молодежь предпочитает идти в сферу торгово-посреднической деятельности. Например, по данным Чимкентской городской регистрационной палаты, в 1993 г. более 70% учредителей вновь образуемых негосударственных предприятий составили казахи (в общей численности населения города казахи тогда составляли не более 30%). В 95% этих предприятий основной вид деятельности — торгово-посредническая.

По сравнению с периодом конца 1980-х годов сократилось число предпринимателей из числа русских. Наиболее мобильная и активная их часть уже покинула республику. Другие просто свернули дела, не веря в возможность успешного бизнеса в условиях монополии преимущественно «национального» чиновничества на наиболее прибыльные сферы деятельности. Люди, ранее связанные с работой в государственной промышленности, даже в условиях остановки предприятий не спешат открыть свое дело ввиду его очевидной малоперспективности.

Кроме того, проникновение в массовое сознание представлений о «национальном» государстве как о государстве «для казахов» рождает у значительной части казахского населения (большую часть которого составляют сельские жители и горожане в первом поколении) ожидания грядущего экономического благополучия. Верно оценивающие ситуацию люди (см. приведенное выше интервью; о

том же говорил автору С. Амирбеков, руководитель Южно-Казахстанской областной организации движения «Азат») понимают, что нынешние «национальные» лозунги прикрывают политику, проводимую в интересах узкой группы высшей столичной бюрократии, большинство которой — казахи. Так, за короткий срок резко изменился состав органов управления. В высших эшелонах власти (на уровне первых руководителей и их заместителей в министерствах, ведомствах, областных администрациях) не казахи в 1985 г. составляли 50%, в 1987—47,9%, в 1994—25%.

Весной 1994 г. среди госсоветников (а их 5) — все были казахи, среди семи вице-премьеров — 6 казахов. Соотношение в руководстве аппарата президента («некоренные»/казахи) — 1:6. В министерствах (министры и их заместители) образования — 1:6, финансов — 3:5, транспорта — 2:4, печати и массовой информации — 1:4, экономики — 1:7, юстиции — 1:4, КНБ — 1:6, Гостелерадио — 0:5²⁴. Во вновь сформированном осенью 1994 г. Кабинете Министров РК из 34 членов не казахов — 12²⁵.

Примерно такое национальное распределение воспроизведено лично назначенными президентом главами областных администраций на уровне местных властей. Вышеуказанные пропорции применительно к областной номенклатуре (от главы администрации до руководителя аппарата) выглядят следующим образом: Карагандинская область — 2:6, Павлодарская — 3:6, Тургайская — 3:6, Алма-Атинская — 2:7, г. Алма-Ата — 2:9. Преобладание русскоязычного населения в этих областях никак не отражается на составе органов исполнительной власти.

Пренебрежение властью имущих к интересам простых людей может проиллюстрировать случай, рассказанный в одном из осенних номеров 1995 г. еженедельника «Караван». По свидетельству газеты, пенсионерке, приехавшей из села в районный отдел социального обеспечения, стало плохо, когда она узнала, что полученная ею пенсия (200 тенге — 3,5 доллара США), которая обесценилась из-за несвоевременной выплаты, не позволит ей покрыть расходы на проезд домой. В то же время редакции удалось обнародовать приказ о премировании за этот же период руководителя и нескольких заместителей того самого районного отдела социального обеспечения суммой в несколько десятков тыс. тенге «за хорошую работу с населением».

Тем не менее среди широких масс распространены ожидания казахстанского варианта «кувейтского феномена», т. е. надежда на безбедную жизнь государства за счет продажи природных ресурсов и получения иностранных кредитов. Поэтому пределом социальных притязаний становится отыскание возможности покровительства со стороны государства.

Этим отчасти объясняется довольно спокойное отношение значительного числа казахов к миграции русских (около 30% отнеслись положительно к этому явлению, согласно опросу в декабре 1993 г.²⁶). Угроза ослабления экономического и кадрового потенциала сейчас видимо пугает меньше, чем перспектива конкуренции за получение своей доли «национального благоденствия» в будущем. Правда, через год в ноябре 1994 г. доля казахов, положительно оценивающих миграцию русских за пределы Казахстана, снизилась в Чимкенте до 10% (табл. 6). Вероятно, их мнение изменилось в результате ощущения экономических последствий суверенизации, смягчить которые не способно уменьшение числа русских в Казахстане.

Положительная оценка респондентами-казахами выезда «некоренных» за пределы республики требует особого комментария. На наш взгляд, это не следствие какого-либо предубеждения или «этнически» обусловленного стереотипа. Исследования, проведенные в ноябре-декабре 1994 г. среди городского населения четырех областей Казахстана в рамках исследовательского проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз», разработанного совместно с американскими учеными и руководимого М. Н. Губогло, позволяют сделать следующие выводы. Среди мотивов, повлиявших на появление такой оценки

миграции за пределы республики в глазах казахского населения, выделяются такие как: надежда на высвобождение части жилого фонда; предположение, что в случае отъезда всех «некоренных» произойдет снижение напряженности меж-национальных отношений; ожидание появления новых рабочих мест (табл. 7).

Ответы подобного рода характерны и для жителей небольших городов, и недавних сельских жителей. Такая позиция отражает патерналистские ожидания этой части населения и свидетельствует о совпадении их представлений о себе как о члене этнической общности и о субъекте определенной государственной политики. Слияние этнического с политическим проявляется в упованиях на то, что продаваемые уезжающими квартиры перейдут не в собственность отдельных конкретных людей, купивших их благодаря личному достатку, но станут принадлежать «нам» как «этнической общности» в целом. И человек, воспринимая себя частью данной общности, рассчитывает на прирост «нашего» (пусть символического) капитала, даже если его собственные жилищные условия не изменятся.

Нечто подобное происходит, когда человек растворяясь в коллективном мироощущении «своей» нации, воспринимает атрибуты «национальной» государственно-идеологической доктрины как характеристики «своего» «социального тела». Поэтому любое проявление какой-либо иной позиции (требования придания русскому языку статуса второго государственного языка, двойного гражданства, национально-культурной автономии и т. д.) ощущается им как угроза своему собственному существованию.

Можно отметить еще одну интересную особенность. Большинство респондентов-казахов во всех городах отмечают среди последствий выезда русских за пределы Казахстана потерю республикой квалифицированных кадров (табл. 7.1). При этом гораздо меньшее число из них связывает с оттоком русских ухудшение экономического положения Казахстана. Очевидно большинство населения надеется на оздоровление экономической ситуации за счет каких-либо других факторов. Анализ ответов показал, что в наибольшей степени сохраняют иллюзию улучшения положения республики вне зависимости от объективных условий люди с невысоким уровнем образования, в то время как люди, имеющие высшее образование и ученую степень, более реалистичны. Хотя и среди них лишь четвертая часть отметивших, что выезд русских из Казахстана означает потерю кадров, связывает это обстоятельство с ухудшением хозяйственной жизни. При выборе других вариантов ответов на этот вопрос каких-либо резких отличий мнений людей в зависимости от уровня образования не наблюдается. Это позволяет сделать вывод о равной распространенности соответствующих представлений среди различных категорий казахского населения.

Зависимость восприятия экономических аспектов окружающей жизни от особенностей сформировавшейся информационно-идеологической среды прослеживается также и при сопоставлении ответов на этот же вопрос людей, живущих в большом и маленьком городе. Жители малых городов менее критичны в оценке сложившегося положения. В их ответах сильнее прослеживается желание увидеть в изменении социально-демографической ситуации возможность решения наиболее острой для небольших городов проблемы — безработицы. Поэтому они чаще склонны видеть в отъезде русских предпосылку увеличения количества рабочих мест. Они же наименее обеспокоены сокращением числа квалифицированных кадров.

Своеобразным подтверждением социальных ожиданий этой категории населения стало выступление по республиканскому телевидению одного из руководителей Комитета РК по статистике и анализу. В ходе этого выступления были приведены гигантские суммы, которые «сэкономил» Казахстан за счет невыплат пенсий и зарплаты людям, уже покинувшим Казахстан, не дождавшись их получения.

Показательны также ответы респондентов на вопросы об отношении к экономическим реформам, задававшиеся в ходе того же исследования (табл. 5.1—5.6): среди казахов в 2 раза больше, чем среди русских, людей, которые приветствуют

переход к рыночной экономике (табл. 5.1); казахи более благосклонны к появлению категории граждан, занимающихся бизнесом (11,1% ответов, среди русских — 7,2%, табл. 5.2); среди казахов больше и тех, кто уверен, что рыночная экономика в ближайшие 3 года приведет к повышению их уровня жизни (15,2% ответов, среди русских — 6,1%, табл. 5.5).

Казалось бы, есть все основания заключить, что вопреки заявлениям некоторых публицистов «традиционный менталитет казахов» вполне совместим с принципами «рыночного общества» и среди «коренного» населения господствуют настроения, отражающие психологию частнособственнических отношений.

В то же время наибольшая часть казахов, ответивших на вопрос о выборе места работы в ближайшие 3 года, предпочла работу на государственном предприятии и учреждении; большинство русских в качестве желаемого места работы назвали совместное предприятие с иностранными партнерами (табл. 5.3 и 5.4). Из подобного распределения ответов следует, что благожелательное отношение респондентов-казахов к экономическим преобразованиям отнюдь не свидетельствует об их реальной готовности жить и работать в условиях рыночных отношений. Скорее в ответах казахов отражена уверенность в неразделимости перспективы улучшения личного благосостояния и судьбы экономики государства в целом. Главным условием успешного развития последней в течение последних лет объявлялась полная экономическая независимость от Москвы, т. е. фактор политический. Вот почему в ответах казахов не столь явно, по сравнению с русскими, присутствует намерение реально участвовать в становлении рыночных отношений.

Противоположная картина у русских: желание работать в условиях рынка сочетается с уверенностью в ухудшении своего уровня жизни (табл. 5.6). И казахи, и русские не связывают личное участие в экономической жизни с надеждой на получение соответственной материальной компенсации. Однако казахи уверены, что государство способно и обязано удовлетворить их запросы; они отождествляют его интересы со своими. А русские, наоборот, рассматривают экономическое положение в зависимости от «неблагоприятного» для них в целом политического контекста и склонны ожидать, что их жизнь станет хуже.

Подобные установки не стимулируют стремления «коренного» населения к профессиональному росту и повышению квалификационного и образовательного уровня. Низкая степень подготовки «национальных кадров» уже давно не является ни для кого секретом.

В ноябре 1994 г. автор сам наблюдал в телеателье г. Чимкента, как какой-то крупный чиновник-казак, сдавая свой телевизор в ремонт, наказывал бригадиру: «Смотри, казаху не давай!» По свидетельству знакомого врача-реаниматолога, не так давно в Чимкентской областной больнице произошел следующий случай. Попав в тяжелом состоянии в реанимационное отделение, брат одного из руководителей области устроил скандал, требуя, чтобы в больнице нашли более квалифицированную (по его мнению) русскую медсестру. Услуги же находившихся рядом медсестер-казашек были им отвергнуты.

Такое положение дел прекрасно известно руководителям предприятий. Но в современной казахстанской жизни экономическая деятельность причудливо переплетена с идеологическими установками. И потому более высокий уровень квалификации у русских работников не оспаривается, но и не подвергается сомнению право «коренного» населения занимать должности «по определению», вне зависимости от их профессиональных возможностей.

Иногда дело доходит даже до прямых упреков в «засилье русских специалистов». Именно в этом обвинил А. Оспан-улы, лидер общества «Казак тілі» («Казахский язык») директора химико-фармацевтического завода Б. Джаманбаева. По его мнению, объяснение этого «засилья» производственно-кадровыми обстоятельствами неубедительно²⁷.

О «внеэкономическом» характере управления социально-экономической сферой в Казахстане свидетельствует и то, что, согласно закону Республики Казах-

стан «Об уточненном республиканском бюджете на 1994 год», решено передать в бюджеты областей, в основном южных (где проживает большинство казахского населения), огромную сумму — в 6 млрд. тенге. В северных областях (где преобладают в составе населения русские) остается небольшая часть собранного налога на добавленную стоимость и налога на прибыль предприятий²⁸. По мнению А. Казабекова, представителя Карагандинской областной администрации, «...налоговое бремя в нашем республиканском бюджете падает в основном на приграничные с Россией и естественно тяготеющие к ней области. В России же провозглашен простой и понятный принцип: регионы, производящие больше, должны жить лучше... Не нужно быть большим стратегом, чтобы предсказать, что сознанием людей все больше будет овладевать идея экономической самостоятельности и независимости. А организованные движения и лидеры найдутся!»²⁹.

Вряд ли можно говорить о действительной конкуренции в основном мало-квалифицированных (из-за своей недавней приобщенности к индустриальному труду) работников-казахов с кадровыми русскими рабочими, если исходить из трудового опыта и профессиональной зрелости. Зачастую именно соображения вроде «значительное число рабочих коренной национальности» выступают решающим аргументом при назначении «национальных кадров» на руководящие должности. Преобладание русских инженерно-технических работников на большинстве производств дает повод некоторым местным публицистам говорить об «ущемлении права коренных рабочих быть привлеченными к управлению производством». Кадровая политика последних лет заключается в «исправлении» этого положения. Это приводит к тому, что, как говорили автору начальники цехов (русские) чимкентского объединения «Эластик», им приходится назначать бригадирами казахов «для обеспечения национального представительства».

Подобные меры рождают у «некоренных», прежде всего русских, работников ощущение обойденности и отсутствия перспективы служебного роста. Наиболее свойственно это служащим и инженерно-техническим кадрам, тогда как рабочие (во всяком случае в декабре 1993 г.) были более спокойны за свою судьбу, рассчитывая на свои более высокие, чем у коренного населения профессиональные возможности (табл. 4). Конечно непроеизводственная сфера более проницаема для воздействия идеологических факторов, что и отразилось в ответах русских респондентов. Однако в октябре 1995 г., когда практически все крупные промышленные предприятия стояли, у рабочих Чимкента также уже не было оснований быть уверенными в своем профессиональном будущем. Это показали беседы автора с работниками тех же предприятий (швейная фабрика «Восход», объединение «Эластик»), на которых проводился опрос 1993 г. В то же время социально-экономическое положение русских в Казахстане, в том числе и южном, по некоторым критериям (жилье в городах, обустроенность быта, более высокие профессиональные возможности и т. д.) выглядит гораздо лучше по сравнению с условиями жизни казахского, особенно сельского, населения. Постоянный приток в город из окрестных сел молодых людей, не обладающих пока квалификацией, в условиях сокращения рабочих мест и нехватки средств на развитие городской инфраструктуры создает напряженную обстановку в социальной сфере. По заявлению председателя Чимкентского горсовета Тулеметова, около трети населения города (124 тыс. чел.) составляет молодежь в возрасте от 15 до 30 лет, в составе же безработных доля молодежи достигает 50%. 5 тыс. молодых семей не имеют крова³⁰.

Иллюзорность «преимуществ» русских, живущих в городах в условиях остановки производства и запустения жилищно-коммунального хозяйства, очевидна. Но ставшие традиционными за последние годы для периферийной казахской прессы сетования о том, что «...мой соплеменники бедствуют по дальним кочевьям, тогда как пришельцы благоденствуют на центральных усадьбах и в городах...», способствуют созданию определенных настроений среди маргинальной части казахского населения. В начале 1990-х годов в Алма-Ате отмечались случаи самовольного захвата казахами, приехавшими из сел и не имеющими жилья,

незаселенных квартир в только что построенных новых домах. Общественное мнение в оценке этих случаев тогда разделилось. Часть прессы, в основном национально-демократической, именовала этих людей борцами за восстановление справедливости, в то время как другие издания следовали формулировкам властей, с точки зрения которых это были преступники, осуществившие «самовольный захват имущества, им не принадлежащего».

В дачных поселках вокруг Чимкента, где участки преимущественно принадлежат казахам, в 1991 — 1992 гг. были отмечены случаи, когда группы оборванных юношей-казахов появлялись во дворах у дачников и указывая сначала на свои лохмотья, а затем на признаки материального благополучия у хозяев (дача, машина и т. д.), просили поделиться добром. В качестве аргумента приводились соображения вроде «...вот, на своей земле живем, а ничего не имеем, гости живут богаче и лучше хозяев, нехорошо...». В случае отказа «поделиться» просьбы сменялись требованиями и угрозами внезапно появившихся на машинах вооруженных «земляков».

На судебном процессе над одним из лидеров молодежной преступной группировки защитой была предпринята попытка создать вокруг обвиняемого ореол «защитника угнетенного коренного населения»³¹. Подобные факты, умело преподнесенные прессой, усиливают пессимистическое социальное самоощущение русских в Казахстане.

Суммируя, следует отметить, что: во-первых, из-за непропорционального распределения национального состава работников разных сфер хозяйственной деятельности последствия современной экономической ситуации неодинаково сказываются на положении различных групп населения. Усиление сырьевого характера экономики предоставляет дополнительные возможности экономической активности чиновничеству (сегодня как правило казахам), способному влиять на распределение доходов от экспорта полезных ископаемых. В относительно благополучных условиях оказываются также предприятия и организации, ориентированные на переработку и продажу сельскохозяйственной продукции. Постоянный спрос на продукты питания и предметы первой необходимости обеспечивает устойчивый сбыт и быструю оборачиваемость основных средств, что позволяет почти не снижать темпов производства. Такие предприятия наименее подвержены остановкам и способны поддерживать материальное состояние своих работников, значительную долю среди которых составляют выходцы из сельской местности — казахи, традиционно тяготеющие к аграрному труду. Совсем иное положение на предприятиях машиностроительного комплекса, чья продукция зачастую не находит своего покупателя в условиях обрыва прежних хозяйственных связей и отсутствия государственных заказов. Это не может не отражаться на положении рабочих — в основном русских и русскоязычных, так как получение высокой квалификации было связано с длительным обучением на русском языке.

Во-вторых, кадровая политика в условиях изменения национального состава занятого населения (особенно резкого на юге) и все большего влияния на экономическую деятельность идеологических мотивов неизбежно содержит этнический аспект. С одной стороны, основные тенденции в области кадровых назначений, направленные, по мнению большинства русских, на постепенное «выдавливание» их на периферию круга престижных должностей и профессий, ведут к изменению их социального самоощущения — к осознанию ими своей невостребованности экономикой постсоветского Казахстана и ненужности молодому государству. С другой стороны, у казахского населения формируется уверенность в возможности получения определенных доходов вне зависимости от своей профессиональной подготовленности исходя из необходимости учета национальной принадлежности в условиях «национального государства».

В-третьих, высвобождение значительного количества рабочих рук на селе ведет к перемещению в город неквалифицированного казахского населения из близлежащих районов. В период кризисного состояния городской экономики их социальные ожидания (получение работы и жилья) остаются чаще всего неудов-

летворенными. А надежды на улучшение иногда связываются с отъездом русского населения, и соответственно высвобождением рабочих мест и жилого фонда. Таким образом, этническая принадлежность становится значимой категорией восприятия действительности, так как дает возможность наглядно объяснить причину собственного неблагоприятного состояния. И поскольку изменение национального состава населения позволяет надеяться на улучшение жизни, этничность превращается в фактор мотивации социальной активности.

Эти предварительные выводы, нам кажется, свидетельствуют о том, что национальная принадлежность существенно влияет на обстоятельства жизни разных групп населения в современном Казахстане и, главным образом, на восприятие ими окружающей социально-экономической ситуации. В то же время нельзя не отметить, что и диспропорции национального состава трудовых ресурсов, и принципы экономической политики государства, и несходство социального самочувствия разных групп населения не являются следствием несовпадения этнических признаков представителей разных национальностей. Скорее, они обусловлены особенностями политических и идеологических мероприятий, осуществляемых в рамках национальной политики сначала советского, а затем и получившего самостоятельность казахского государства.

Таблица 1

Количество работников казахской и русской национальностей, занятых в различных отраслях народного хозяйства в расчете на 1000 чел. населения (по итогам переписи населения 1989 г.)

Отрасли хозяйства	Казахстан			Чимкентская область		
	Всего	Казахи	Русские	Всего	Казахи	Русские
Промышленность в целом	206	130	270	192	139	306
Сельское хозяйство	221	353	103	302	396	72
Строительство	107	74	130	89	67	149
Торговля и общепит	65	57	67	64	52	59
Информац. obsл. и выч. техника	4	3	5	2	1	5
Здравоохранение	55	60	55	64	52	59
Народное образование	96	114	187	108	123	93
Культура	12	13	12	10	11	13
Наука	21	15	28	14	9	32
Управление	42	36	50	25	26	34
Общ. и парт. организации	6	6	6	5	4	7

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы положением представителей Вашей национальности в Республике Казахстан?» в %, заданный в декабре 1993 г. в г. Шымкенте. (Источник: Гусев П., Лавренов А., Савин И. Результаты... 1993 г. См. сноску 26)

Варианты ответов	Казахи	Русские
Да, удовлетворен	51,9	8,4
Удовлетворен, но не в полной мере	35,8	34,4
Не удовлетворен	9,4	51,6

Распределение ответов респондентов на вопрос о причинах недовольства положением представителей своей национальности в Республике Казахстан в %
(см. сноску 26)

Варианты ответов	Казахи	Русские
Экономическая нестабильность в государстве	42,0	47,1

Таблица 4

Распределение ответов респондентов-русских о причинах миграции некоренного населения за пределы Республики Казахстан в %
(см. сноску 26)

Варианты ответов	Рабочие	Служащие	ИТР
Перспектива потерять работу	16,8	33,9	29,7
Невозможность самореализации в процессе служебного роста из-за конкуренции с представителями «коренной» национальности	23,7	36,4	31,7

Ниже приводятся данные о распределении ответов респондентов на вопросы, задававшиеся городским жителям в ходе проводившегося под руководством М. Н. Губогло в ноябре — декабре 1994 г. исследования в Алма-Атинской, Гурьевской, Северо-Казахстанской и Чимкентской областях Казахстана по теме «Язык, национальность и бывший Советский Союз»

Таблица 5.1

Что Вы думаете о переходе к рыночной экономике в Казахстане?
(по Чимкентской области) *

Варианты ответов	Казахи		Русские	
	рабочие	служащие	рабочие	служащие
Считаю единственно возможным путем развития	20,5	21,7	7,0	10,0
Надо идти к рыночной экономике постепенно	44,2	39,4	41,0	58,0
Это неприемлемый путь развития	13,4	9,5	25,0	22,0
Затрудняюсь ответить	21,7	29,2	27,0	10,0

* Выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов — 475.

Таблица 5.2

**Как Вы относитесь к появлению категории граждан, занимающихся бизнесом?
(По четырем областям) ***

Варианты ответов	Казахи	Русские
	Приветствую их появление, только они могут вывести экономику Казахстана из кризиса	11,1
Их существование необходимо, но их деятельность порождает определенные проблемы	16,4	13,8
К одним отношусь положительно, к другим — отрицательно в зависимости от их конкретной деятельности	36,8	38,6
Они вызывают у меня тревогу, нужен контроль за их деятельностью	20,5	21,3
Считаю, что мы совершаем большую ошибку, допуская появление таких лиц	8,5	14,6
Затрудняюсь ответить	6,8	4,5

* Выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов — 2117.

Таблица 5.3

**Если в ближайшее время возникнет возможность выбора, где бы Вы предпочли работать?
(По Чимкентской области) ***

Варианты ответов	Казахи		Русские	
	рабочие	служащие	рабочие	служащие
В государственном предприятии или учреждении	39,1	28,5	25,0	22,0
В кооперативе	4,4	6,1	4,0	
В акционерном и частном предприятии	11,5	12,2	9,0	2,0
В совместном предприятии с иностр. партнерами	17,3	23,1	30,0	34,0
Организовать свое дело	15,3	23,8	16,0	26,0
Затрудняюсь ответить	12,1	6,1	16,0	16,0

* Выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов — 475.

Таблица 5.4

**Хотели бы Вы лично работать на иностранном предприятии, расположенном на территории
Казахстана? (По Чимкентской области) ***

Варианты ответов	Казахи		Русские	
	рабочие	служащие	рабочие	служащие
Безусловно, да	27,5	36,0	37,0	24,0
Скорее, да	24,3	31,9	23,0	36,0
Скорее, нет	10,8	5,4	14,0	16,0
Безусловно, нет	12,8	10,2	9,0	4,0
Затрудняюсь ответить	24,3	16,3	17,0	20,0

* Выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов — 475.

Таблица 5.5

Как Вы полагаете, что лично Вам принесет рыночная экономика через 2—3 года? *

Варианты ответов	Казахстан		Чимкент	
	Казахи	Русские	Казахи	Русские
Уверен в улучшении своего уровня жизни	15,2	6,1	13,8	2,4
Вероятнее всего, мой уровень жизни возрастет	25,4	10,6	20,4	6,3
Вероятнее всего, мой уровень жизни не изменится	24,8	24,2	27,5	25,4
Вероятнее всего, мой уровень жизни снизится	10,4	23,1	13,2	26,2
Уверен в падении моего уровня жизни	4,3	19,3	3,0	23,0
Затрудняюсь ответить	20,0	16,6	22,2	16,7

* Выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов в Казахстане — 2117, в Чимкентской области — 475.

Таблица 5.6

Как изменилось Ваше материальное положение после обретения Казахстаном независимости? *

Города	Националь- ность	Существ. улучш.	Немного улучш.	Осталось без изм.	Немного ухудш.	Существ. ухудш.
Алма-Ата	Казахи	7,5	31,8	28,5	6,3	8,4
	Русские	2,5	6,8	27,3	27,7	33,5
Талгар	Казахи	2,4	9,8	30,5	30,5	20,7
	Русские	2,9	6,9	17,5	18,6	52,0
Гурьев	Казахи	12,8	24,4	30,8	16,7	5,1
	Русские	0,0	3,2	35,5	45,5	16,1
Балыкши	Казахи	0,6	18,8	34,4	21,9	12,5
	Русские	12,5	6,7	23,3	23,3	30,0
Чимкент	Казахи	4,8	11,4	30,5	32,9	16,2
	Русские	0,8	3,2	15,1	24,6	53,2
Туркестан	Казахи	5,1	8,1	34,6	22,1	17,6
	Русские	0,0	4,3	2,2	19,6	73,9
Петропавловск	Казахи	11,4	13,9	24,1	38,0	8,9
	Русские	2,6	4,9	9,1	17,5	64,6
Мамлютка	Казахи	5,0	5,0	25,8	26,7	30,0
	Русские	1,0	6,1	14,2	20,3	47,2
Казахстан	Казахи	5,7	17,0	30,2	24,4	14,6
	Русские	2,1	5,5	16,8	22,5	49,5

* Выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов — 2117. Не учтены те, кто затруднился с ответом. Их доля не превышает 5%.

Как Вы оцениваете последствия массового выезда русского населения из Казахстана? *

Варианты ответов	Чимкент		Алма-Ата		Петропавловск		Гурьев	
	Каз.	Рус.	Каз.	Рус.	Каз.	Рус.	Каз.	Рус.
Положительно	10,8	5,6	7,1	1,8	5,1	7,5	14,1	3,2
Отрицательно	41,9	67,5	39,3	74,5	41,8	69,8	30,8	51,6
Все зависит от состава уезжающих	31,7	17,5	39,7	15,5	38,0	12,7	15,4	22,6
Другое мнение	7,2	2,4	5,0	3,6	7,6	5,8	19,2	9,7
Затрудняюсь ответить	8,4	7,1	8,8	4,7	7,6	4,2	20,5	12,9

* Выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов 2117.

Таблица 7

В двух последующих таблицах приводятся данные о распределении ответов респондентов-казахов.

Если произойдет массовый отъезд русских, то как, по Вашему мнению, это повлияет на различные стороны жизни населения Казахстана? *

Варианты ответов:

1. Появятся дополнительные рабочие места
2. Улучшится снабжение товарами
3. Освободится часть жилищного фонда
4. Будет меньше конфликтов на национальной почве
5. Больше средств будет выделяться на развитие казахской культуры
6. Казахстан потеряет квалифицированные кадры
7. Ухудшится экономическое положение Казахстана
8. Ослабнут связи с Россией
9. Могут осложниться отношения между Россией и Казахстаном
10. Затрудняюсь ответить

Казахстан	Чимкент	Туркестан	Алма-Ата	Талгар	Балыкши	Гурьев	Петропавловск	Мамлютка
1. 6,5	6,0	8,8	3,8	7,3	8,8	10,3	1,3	7,5
2. 1,4	1,2	0,7	0,8	1,2	1,3	2,6	3,8	1,7
3. 7,2	5,4	11,0	9,2	2,4	9,4	11,5	2,5	3,3
4. 4,8	7,2	8,1	6,7	1,2	2,5	3,8	2,5	1,7
5. 4,1	0,6	1,5	6,7	6,1	3,8	7,7	2,5	4,2
6. 36,3	44,3	20,6	46,4	31,7	26,9	21,8	55,7	35,0
7. 7,7	10,8	5,1	8,4	12,2	6,9	2,6	7,6	6,7
8. 3,7	3,6	2,9	2,5	4,9	5,0	9,0	2,5	1,7
9. 13,5	9,6	13,2	7,1	19,5	21,3	11,5	10,1	20,8
10. 14,9	11,4	27,9	8,4	13,4	14,4	19,2	13,9	17,5

* Выборка репрезентативная для городского казахского населения, общее число респондентов — 1061.

Процентное распределение ответов респондентов-казахов в зависимости от уровня образования на вопросы, задававшиеся в ходе проводившегося под руководством М. Н. Губогло в ноябре — декабре 1994 г. исследования среди жителей четырех областей Казахстана по теме «Язык, национальность и бывший Советский Союз».*

Если произойдет массовый отъезд русских, то как это повлияет на различные стороны жизни населения Казахстана?

Варианты ответов:

1. Появятся дополнительные рабочие места
2. Улучшится снабжение товарами
3. Освободится часть жилищного фонда
4. Будет меньше конфликтов на национальной почве
5. Больше средств будет выделяться на развитие казахской культуры
6. Казахстан потеряет квалифицированные кадры
7. Ухудшится экономическое положение Казахстана
8. Ослабнут связи с Россией
9. Могут осложниться отношения между Россией и Казахстаном
10. Затрудняюсь ответить

	Начальное	Неполное среднее	Среднее	Среднее специал.	Высшее
1.	6,7	3,0	5,8	8,0	6,5
2.	—	3,0	0,8	1,7	1,7
3.	6,7	10,4	6,5	7,1	7,4
4.	6,7	4,5	2,3	6,3	7,0
5.	6,7	4,5	4,8	3,4	3,5
6.	20,0	25,4	40,8	33,8	36,5
7.	6,7	7,5	7,1	5,4	12,6
8.	—	6,0	3,3	3,4	4,3
9.	13,3	22,4	12,8	15,6	8,7
10.	33,3	13,4	15,9	15,3	11,7

* Выборка репрезентативная для городского казахского населения, общее число респондентов 1061.

Примечания

¹ Архив Чимкентского горсовета. Ф. 83. Оп. 1. Св. 2. Д. 17.

² *Кичкбаев Н.* Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1968. С. 117.

³ *Сулейменов О.* Народ мой, не забывай историю // Аргументы и факты. Казахстан. 1994. № 15.

⁴ Архив... Ф. 187. Оп. 1. Св. 8. Д. 59.

⁵ Казахстан за 40 лет. Статистический сборник. Алма-Ата, 1960. С. 306—307.

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. т. III. Алма-Ата, 1992. 270 с.

⁷ По публикации в издававшемся в г. Чимкенте еженедельнике «ЭлитаR». 1994. 26 мая. № 20 (52).

⁸ На основании сообщений алмаатинских газет: «Азия Даусы» («Голос Азии»). 1994. № 14; «Азия». 1994. № 24.

⁹ Данные Комитета по статистике и анализу Южно-Казахстанской областной администрации, вошедшие в полевые материалы автора.

¹⁰ Данные отдела кадров фабрики, вошедшие в полевые материалы автора.

¹¹ Данные из полевых материалов А. Н. Жилиной, любезно предоставленных ею автору.

¹² Данные из полевых материалов автора.

¹³ Опрос проводился среди городских жителей Чимкентской области в ходе руководимого М. Н. Губогло в ноябре — декабре 1994 г. исследования жителей четырех областей Казахстана в рамках программы «Язык, национальность и бывший Советский Союз», разработанный совместно с американскими учеными (выборка репрезентативная для городского населения, квотная для двух национальностей: казахи и русские, общее число респондентов — 475).

¹⁴ *Назарбаев Н. А.* Стратегия становления и развития Казахстана как независимого государства. Алма-Ата, 1992. С. 5.

¹⁵ По материалам Госкомстата Казахстана, опубликованным газетой «Аргументы и факты. Казахстан» (март 1995 г.), а также из справки, подготовленной к парламентским слушаниям в Госдуме РФ (18 апреля 1995 г.).

- ¹⁶ Панорама Шымкента. 1994. 4 февраля.
¹⁷ ЭлитаR. 1994. 7 января. № 1(33); 19 мая. № 19(51).
¹⁸ По данным республиканского еженедельника «Караван». 1994. № 36.
¹⁹ Интервью с А. Исмаиловым, председателем Южно-Казахстанского облизполкома партии «Народный Конгресс Казахстана», объявившей о переходе в оппозицию к политике президента//Своя газета (г. Чимкент). 1994. 2 декабря.
²⁰ По сообщению одноименного органа республиканского общественного славянского движения «Лад». 1994. Октябрь. № 9—10.
²¹ Своя газета. 1994. 12 декабря.
²² Славянские беседы в Казахстане//Стенографические отчеты о заседаниях клуба «Славянские беседы». Вып. 1. Алма-Ата, 1994. Июль-октябрь. С. 27.
²³ Лад. 1994. Октябрь. № 9—10.
²⁴ По данным алмаатинского бизнес-еженедельника «АБВ». 1994. Март.
²⁵ Из сообщения областной газеты «Южный Казахстан». 1994. 22 октября.
²⁶ Гусев П., Лавренов А., Савин И. Результаты анкетного опроса населения на тему «Мнение жителей г. Шымкента о проблемах миграции». Шымкент, 1993. 26 с.
²⁷ Панорама Шымкента. 1994. 19 февраля.
²⁸ Лад. 1994. Октябрь. № 9—10.
²⁹ Казахстанская правда. 1994. 10 августа.
³⁰ Панорама Шымкента. 1993. 15 октября.
³¹ Своя газета. 1992. Август. № 30.

Ethnic aspects of the present socio-economic situation in Kazakhstan

The author analyses the correlations between ethnic, economic and social factors in post-Soviet Kazakhstan. The author came to conclusion that ethnicity in the Kazakhstan society often influence the living conditions and modes of adaptation of different ethnic groups to the economic situation. For the great part these correlations have been produced artificially by the «nationalities policy» during the Soviet period and after gaining independence in 1991.

I. S. Savin

© 1996 г., ЭО, № 5

П. В. Грибанов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕКСИКЕ

Памяти С. Я. Серова

Данная статья посвящена общим моментам этносоциальных и этнокультурных процессов в Мексике. Выбор темы далеко не случаен: переживаемый нашим Отечеством непростой период национально-государственных преобразований, обострение в ряде его регионов межэтнических отношений требуют пристального внимания к ситуации в других полиэтничных странах, для того чтобы, во-первых, по возможности использовать их опыт решения аналогичных проблем и, во-вторых, выявить закономерности переживаемого сегодня человечеством «этнического взрыва».

Определенное место в статье уделено состоянию изучения этнических проблем Мексики в отечественной науке с целью в некоторой степени подытожить исследования и отметить их недостатки и одновременно наметить направления, нуждающиеся в изучении в контексте требований, выдвигаемых остротой этнической проблематики в нашей стране и в мире в целом.

Что представляет собой современное население Мексики в этническом отношении? Длительное время в специальной литературе господствовало его деление на «индейцев», «метисов» и «белых», что являлось своего рода данью исторической